Открывая книжные страницы...

** ОБЗОРЫ*

** СПИСКИ*

** МЕТОДИЧЕСКИЕ РЕКОМЕНДАЦИИ*

Солдат войны и прозы

Министерство культуры, национальной политики
и архивного дела Республики Мордовия

ГБУК «Национальная библиотека им. А. С. Пушкина
Республики Мордовия»

Отдел гуманитарной литературы

Открывая книжные страницы...

Солдат войны и прозы

Методико-библиографический материал
к 100-летию К. Д. Воробьёва

Саранск
2019

УДК 02
ББК 78.38
С60

Составитель *О. В. Ефремова*
Редакторы: *Т. В. Овсянникова, С. Б. Юфкина*
Ответственный за выпуск *О. И. Чавкунькина*

С60 **Солдат войны и прозы** : методико-библиографический материал к 100-летию К. Д. Воробьёва / Министерство культуры, национальной политики и архивного дела Республики Мордовия, Национальная библиотека им. А. С. Пушкина Республики Мордовия, Отдел гуманитарной литературы ; составитель О. В. Ефремова ; редакторы : Т. В. Овсянникова, С. Б. Юфкина. – Саранск, 2019. – 40 с. – (Открывая книжные страницы...).

УДК 02
ББК 78.38

© ГБУК «Национальная библиотека им. А. С. Пушкина Республики Мордовия», 2019

Содержание

От составителя 4

Биография и творческий путь К. Д. Воробьёва 6

Творческий путь К. Воробьёва и трудная судьба его произведений 12

Память о К. Д. Воробьёве 26

Высказывания К. Д. Воробьёва о жизни, о предназначении литератора, о его ответственности перед временем и народом 29

Писатели и критики о творчестве К. Д. Воробьёва 31

Библиография
Произведения К. Д. Воробьёва
Литература о жизни и творчестве К. Д. Воробьёва 36

От составителя

Данный методико-библиографический материал посвящен писателю-фронтовику Константину Дмитриевичу Воробьёву (1919–1975).

Всю жизнь Константина Воробьёва, яркого представителя послевоенной прозы, можно проследить по его произведениям. История страны в них тесно переплетена с судьбами простых людей. Что всего сильнее потрясло Россию в XX веке? Что выкосило почти половину её народа? Коллективизация и война. И оба этих события прошли через жизнь и прозу К. Воробьёва.

Воробьёв писал о том, что пережил сам: коллективизацию, фронты Великой Отечественной войны, немецкий плен, партизанщину. И в каждом слове его произведений правда. Писатель является ярким представителем так называемой «лейтенантской прозы», которая «саднит и жжет, как открытая рана, и боль не утихает с годами, хотя ужасы прошлого отступают в вечность» (И. Золотусский), а произведения Воробьёва в советской России задвигались, печатались с купюрами или не публиковались вовсе. Так, повесть «Это мы, Господи!..» увидела свет уже после смерти писателя, спустя более чем 40 лет после того, как была написана. В 1994 году писатель был посмертно удостоен премии им. Сергея Радонежского, а в 2001 году премии им. Александра Солженицына.

Представителями «лейтенантской прозы» делалась попытка понять «правду войны», выразить её словами и соотнести с современной действительностью. Авторы писали о том, что видели и пережили сами. В этом плане особенно интересна судьба одного из самых ярких представителей лейтенантской прозы – Константина Воробьёва.

Есть некая прямая неразрывная связь между характером произведения и личностью писателя. На этот счет применима ёмкая русская пословица: «каковы сани, таковы и сами». Человек

по складу своему рассудочно-созерцательный, склонный к размеренности бытия, оберегающий свою персону от ушибов, никогда бы не создал ничего подобного тому, что вышло из-под пера К. Воробьёва. Через его взволнованные строки уже заочно угадывается человек, наделенный отвагой, пламенным гражданским мужеством, взрывным зарядом темперамента и самопожертвования, чутким и ранимым сердцем.

Стремление к правде, не урезанной в угоду спокойному, безмятежному существованию, а полной и оттого, быть может, кому-то неудобной, не нравящейся, желание видеть в жизни и в литературе крупные яркие независимые характеры, доброту, сердечность – отличительные особенности прозы К. Воробьёва. И углубленный психологизм, и умение запечатлевать «мгновенные и летучие мысли», своеобразная изысканность письма, в котором эмоциональность соседствует со скупой недосказанностью – всё это Константин Воробьёв, который умел писать с той степенью искренности, когда казалось, что каждое произведение – о себе, а всё, что было с его героями, непременно было и с ним самим.

Предлагаемое пособие содержит биографию писателя, материал о его творческом пути, высказывания о жизни, литературе, творчестве, мнения российских критиков, писателей о произведениях К. Воробьёва.

Настоящий методико-библиографический материал будет полезен библиотекарям, учителям, учащимся старших классов, преподавателям вузов, всем любителям русской литературы.

Биография и творческий путь К. Д. Воробьёва

Константин Воробьёв родился 24 сентября 1919 года в селе Нижний Реутец Медвенского района в «соловьиной» Курской области. По слухам, его настоящим отцом мог быть белый офицер. Но точно о нём ничего неизвестно. По словам сына писателя, он не знал своего отца, а фамилия Воробьёв была не его.

Необыкновенно красивая мать будущего писателя, Марина, была по природе очень любвеобильной женщиной. Константин появился на свет, пока её муж был на германском фронте. Дмитрий Матвеевич вернулся в 1921 году, когда в семье его уже и не ждали. Он благородно простил жене измену, усыновил новорожденного. Марина же так и не созналась, кто отец родившегося ребенка. При этом папины родственники называли 2-х возможных отцов мальчика – богатого человека по фамилии Письменов и другого – Останкова, в дом которого Марина ходила заниматься уборкой, а также австрийца, стоявшего у них на постое.

Отчим был человеком грамотным, читал книги, повидал жизнь, что тогда было редкостью для жителя сельской местности, в Германии он работал в одном зажиточном хозяйстве, овладел немецким языком. Так что в деревне Нижний Реутец слыл грамотеем. Крестьянский труд не любил, и по этой причине Косте с малых лет приходилось помогать отчиму выполнять все крестьянские работы.

О своем отчиме Константин Дмитриевич говорил всегда с чувством любви и благодарности за то, что тот никогда не попрекнул его куском хлеба и никогда не тронул пальцем. Костя любил и жалел мать и подсознательно чувствовал себя виноватым перед ней. Благородное поведение отчима к пасынку всё же не могло заменить отцовской ласки. Он не мог уместить в своем сердце двух людей – того, кто неожиданно вернулся из Германии, и того, что на заре ушел куда-то навсегда. Он вспоминал, что временами жгуче ненавидел своего родного отца и так же

любил, и страдал от тоски по нему. Улица дразнила Константина «подкрапивником», «белый, белый, кто тебя делал» и разными грязными словами. Иногда ему казалось, что его сердце должно разорваться от горя и всех обид, которые безжалостно наносили сверстники и взрослые. Чувство одиночества и отвергнутости его терзало в те минуты, когда отчим сажал к себе на колени родного сына, Василия, и они вместе с женой любовались им, забыв о присутствии Кости.

И всё же обиды не заслонили в душе мальчика ни красоты бескрайних степей, манящих какими-то далекими неизведанными мирами, ни ослепительных солнечных лучей, сверкающих в многоводной речке, ни захватывающих дух катаний с обрыва зимой на мерзлых «катяшках» вместо коньков, ни головокружительных кувырканий летом в душистой траве наперегонки, ни ночных костров на выгоне ночью, когда вместе с сельскими ребятами стерег он своего Кайзера (так звали лошадь). Всё равно мир сверкал, радовал и манил, и родная хата с земляным полом и садом из трех слив и одной яблони казались прекрасными.

Детство писателя, несмотря на личные трудности и те, что испытывала вся страна, на всю жизнь осталось неповторимым благом жизни. Оно осталось в памяти вместе с сохранившимися тогда еще обычаями и праздниками Пасхи, Троицы, Масленицы. Особенно Костя любил Пасху, и неслучайно на страницах его повестей яичная скорлупа крашеных яиц приобретает какое-то самостоятельное эмоциональное выражение, а не просто упоминание детали пасхального ритуала. Радость и чувство восхищения вызывали воспоминания о той деревне, которая еще жила своими бедами, заботами, традициями, обычаями и церковными обрядами в доколхозное время, всё то, что потом вошло в его повести, но навсегда исчезло из жизни деревни.

Юность писателя пришлась на время становления советской власти в стране. В 20-е годы семья Воробьёвых жила достаточно благополучно, в том числе и благодаря тому, что глава семей-

ства работал заведующим сельским магазином. Но однажды в сельмаге была обнаружена недостача, и Дмитрий Матвеевич был арестован. Вскоре после этого центральные области страны накрыл страшный голод, который стал следствием проводимой в СССР коллективизации.

В 1933 году Нижний Реутец вымирал целыми семьями. Опустело, притихло родное село. Посылки из других областей не разрешались, за распространение слухов о голоде сажали в тюрьму, за стрижку первых колосьев пшеницы и ржи тоже сажали, за шепот или ропот – тоже. Вырубили сады, так как налог на каждую яблоню был непосилен. Оскудели дворы, вывелась своя скотина у крестьян, захирели огороды. Новые порядки набирали силу, власть на местах привлекала к себе тех, кто способен бездумно выполнять абсурдные инструкции для укрепления колхозного ига. Ничто не прошло мимо зоркого глаза будущего писателя, всё то, что он пережил в детстве, он впоследствии отразил в своих произведениях. В первую очередь речь идет о его деревенской прозе: повести «Друг мой Момич», а также «Почем в Ракитном радости» и «Синель». Свои лучшие произведения о войне он также написал, основываясь на своем собственном опыте, на том, что ему пришлось пережить самому.

А тогда, для того чтобы спасти свою семью от голода, Константин Воробьёв в возрасте 14 лет стал работать в местном магазине, где ему платили хлебом. После окончания сельской школы он некоторое время проучился в сельскохозяйственном техникуме в Мичуринске, а после этого окончил курсы киномехаников, возвратился назад в родное село и устроился литературным сотрудником в районную газету. В 1935 году будущий писатель написал стихотворение «На смерть Куйбышева», в котором были такие строки: «Ты не один, в аду с тобою и Сталин будет в краткий срок». После таких стихов Воробьёв из газеты был уволен, хотя официально ему в вину ставили хранение книги «Война 1812 года», которая была для будущего писателя настольной.

Последовав советам знакомых, Константин Воробьёв не стал ждать последующих мер в свой адрес и переехал в Москву к сестре. В столице он учился в вечерней школе и одновременно с этим продолжал литературную деятельность, работая в редакции газеты «Свердловец». Во время службы в РККА с 1938 по 1940 год он также работал на этом поприще, сотрудничая с армейской газетой «Призыв», а после окончания службы работал в газете Академии им. Фрунзе. Отсюда он был направлен на учебу в Московское Краснознаменное пехотное училище им. Верховного Совета РСФСР.

Благодаря высокому росту и своему крестьянскому происхождению Константин Воробьёв в 1941 году был зачислен в роту курсантов Кремлевского училища. Стоять бы ему у Мавзолея, ходить, печатая шаг, и охранять с карабином в руках государственные секреты, если бы не война. По сути, писатель оказался в элитной части Красной армии, тогда это считалось удачей. Никто не мог подумать, что в 1941 году этих молодых ребят, отборные кадры, всех как на подбор высокого роста со стрелковым оружием 1893 года и бутылками с зажигательной смесью бросят навстречу наступающим на столицу немецким танкам. Для абсолютного большинства из них эти первые бои под Москвой станут последними в их жизни.

Рано утром 6 октября сводный полк Московского командного училища имени Верховного Совета СССР, как и все училища, подразделения и отдельные части, находившиеся в ведении Московского военного округа, был поднят по тревоге. 1300 человек совершили 85-километровый марш-бросок до отведенных им позиций на реке Лама.

К 8 октября стало ясно: они остались единственным заслоном между немецкими войсками и Москвой. За спиной у роты оказались войска НКВД, смотрящие им в затылок, а впереди – немецкие танки. Почти все советские части на стратегических направлениях были окружены или уничтожены. После непре-

рывных боев в течение двух месяцев с 17 по 19 ноября, когда позиции полка атаковали танки, элита Красной армии – высокие, как былинные богатыри, – теряла в день по роте, отходя с боями к Солнечногорску.

Последний бой остатки курсантского полка приняли возле села Каменка. Уже 4 декабря началось контрнаступление советских войск. Операция немецких войск под названием «Тайфун» была сорвана ценой жизни тех, кто навсегда остался на снежных полях Подмосковья. В развороченном взрывом окопе на месте последнего боя курсантского полка немецкие пехотинцы нашли контуженного, но живого русского офицера. Это был лейтенант 10-й роты Константин Воробьёв.

А дальше был плен. Долгое время, до 1943 года, Воробьёв содержался в различных концентрационных лагерях, откуда дважды пытался бежать. В 1943–1944 годах, бежав из лагеря, расположенного на территории Литвы, он возглавляет партизанский отряд, сформированный из бывших военнопленных. Позднее за свое участие в партизанском движении писатель был награжден медалью «Партизану Отечественной войны» 1-й степени.

После освобождения Шауляя, Воробьёв был назначен в этом городе начальником штаба ПВО. С 1947 года Константин Воробьёв жил в Вильнюсе. Почему он не вернулся в родимое Черноземье? Люди подобной судьбы часто встречались в послевоенные годы в Прибалтике, Западной Белоруссии, Западной Украине. Многие русские, армяне, грузины осели здесь не из-за того, что хлеб оказался мягче и пышнее. Они, сбежав из плена или оказавшись в окружении, партизанили здесь, чему было немало свидетелей, в том числе и среди тех местных жителей, кто после войны занял крупные партийные и советские должности, кто мог их поддержать в трудную минуту. А таких минут было предостаточно. «Как попал в плен?», «Что делал на оккупированной территории?», «Почему посчастливилось бежать?». Вызовы, допросы – много раз подряд.

Здесь он сумел сменить большое количество профессий, работал и шофером, и киномехаником, и конторщиком, заведовал магазином промтоваров. Литва, укрывшая и приютившая его, стала его второй родиной.

Он дождался времени, когда с бывших военнопленных сняли оскорбительное огульное подозрение в неверности присяге. Со спокойным достоинством воспринял Указ о награждении его медалью партизана Великой Отечественной войны. Там, в Литве, где родились его дети и книги, он всё же тосковал о России. Константин Дмитриевич писал своим друзьям о том, как завидует возможности слышать среднерусский говор, как мечтает хотя бы гостем побывать в родном Нижнем Реутце, на просторах самого Центра России.

В 1952–1956 годах Воробьёв работал в редакции ежедневной газеты «Советская Литва», где заведовал отделом искусства и литературы. Именно в Вильнюсе вышел первый сборник его рассказов «Подснежник» (1956), а также сборники повестей и рассказов «Седой тополь» (1958) и «Гуси-лебеди» (1960).

Первые произведения автора конца 1940-х – начала 1950-х годов в основном повествовали о буднях литовской деревни. После выхода сборника рассказов «Подснежник» Константин Воробьёв стал настоящим литератором. Но известность ему принесли его повести 1960-х годов. Это были повести «Алексей, сын Алексея» (1960), «Крик» (1962) и «Убиты под Москвой» (1963). Все они были задуманы как единое произведение со сквозным героем, но в итоге вышли в разное время и зажили своей самостоятельной жизнью.

Творческий путь К. Воробьёва и трудная судьба его произведений

Одно из самых известных произведений Константина Воробьёва – повесть «Это мы, Господи!..». «Уж лучше убитому быти, нежели полоненному быти» – эти строки из «Слова о полку Игореве» – эпиграф к автобиографической повести, которая была посвящена времени, проведенному в плену, написана во время нахождения в литовском подполье.

Повесть была создана за две недели. Её перепечатали на машинке, а машинку зарыли в саду, где она и пролежала до конца войны. Появись тогда этот крик о плене, литературная судьба Воробьёва была бы иной. Но писать о том, о чем написал он, было запрещено. Пленные поголовно считались предателями.

Воробьёв не был убит под Москвой и выжил в плену. Судьба, вероятно, рассчитывала на него как на очевидца и не ошиблась. Лучшего свидетеля на суде истории она выбрать не могла. Повесть «Это мы, Господи!..» и сегодня не имеет себе равных в литературе о плене. Её невозможно читать залпом: написанная сразу после фашистского плена, кажется, она кровоточит каждой своей строкой. Однако она передает не только боль и страдания безвинных жертв войны, но и высокое и неистребимое чувство достоинства русского человека, воина Советской армии, которое врагу ничем не удалось сломить. Эта изначальная повесть К. Воробьёва как бы дает ключ к пониманию всего его творчества, обозначает его писательское кредо: ни при каких обстоятельствах не идти на компромисс с совестью, писать только обнаженную правду, какими бы последствиями это не грозило его личной судьбе. И хотя это правило принесло ему много лишений, по-другому жить и писать он не мог.

Группе партизан из числа бывших военнопленных предписано было временно затаиться в подполье. Ей предстояла тридцатидневная конспирация, которой и воспользовался недавний узник

фашистских концлагерей для описания познанного за колючей проволокой – в неслыханных испытаниях духа и плоти, в поисках способов выживания, наконец, в дерзких побегах. Эту историю он и воплотил в повести «Это мы, Господи!..», поражающей подлинным бесстрашием в изображении особенно сложных сторон человеческого бытия и несущей подлинно электризующий заряд эмоционально-эстетического воздействия на читателя.

Особенно впечатляющее документально-художественное повествование, обладающее достоинствами обличительного человеческого документа, к сожалению, не было известно читателям до 1986 года.

Повесть, написанная тогда, в самый разгар войны, в дни и ночи смертельной опасности для автора, рассказывает, как на духу, что пережил сам Константин Дмитриевич и миллионы его соотечественников, зная и понимая, что слова эти могут оказаться для него последними. Прочитав её, понимаешь, что это произведение – не только явление литературы, но и явление силы человеческого духа, так как писалось не для самоутверждения, без всяких честолюбивых мечтаний, как исполнение священного долга солдата, обязанного рассказать о том, что знает, что он и его товарищи пережили, находясь в плену, чтобы после Победы люди знали, что довелось испытать очень и очень многим в этой войне. Поражает и истинное мужество, и безграничность душевных и физических сил, помогавшие обессиленному и измученному голодом и пытками лейтенанту Сергею Кострову, за которым, несомненно, стоит сам писатель, совершить дерзкий, почти немыслимый побег из зарешеченного окна вагона с военнопленными идущего на полной скорости эшелона, а в дальнейшем и второй побег из лагеря, о котором не написано в повести, но о котором мы знаем из биографии писателя.

В 1946 году, уже после войны писатель передал рукопись повести в журнал «Новый мир», но тогда публикация её не состоялась, да, скорее всего, это было просто невозможно, так как

данная повесть шла вразрез с тем, что тогда публиковалось о войне. Оттуда пришел ответ, что занятия литературой – не его дело, и ни слова не было сказано о содержании рукописи. А что об этом можно было сказать? Ничего, кроме того, что автор заглянул в преисподнюю. Лишь в 1986 году, спустя 40 лет, данная повесть была обнаружена в архивах «Нового мира». Обнаружила её Ирина Соколова, аспирантка Ленинградского государственного педагогического института. Повесть была напечатана в том же году в журнале «Наш современник». Читатель ахнул: как такое могло пролежать под спудом! Как вообще оно могло оставаться неизвестным, а особенно тем, кто вместе с Воробьёвым пережил муку плена? Но на эти вопросы нет ответа. Воробьёв оказался счастливчиком: судьба не зря берегла его. Его час пришел.

Повести «Крик» и «Убиты под Москвой» относятся к тем произведениям, которые критики привыкли называть «лейтенантской прозой». В них писатель рассказывал о том, чему сам стал свидетелем во время ожесточенных боев под Москвой в конце 1941 года.

Трагедия главного героя повести «Крик» – гибель от взрыва его любимой девушки – стала символом трагедии всего поколения, юность которого совпала с этой страшной войной.

Война, кровь, смерть… Но разве может она помешать человеку, который полюбил впервые, когда ему только двадцать лет? А у его девушки, оказывается, даже фамилия такая же, как у него, и день рождения у них в один и тот же день, ну не чудесное ли совпадение? И не страшна ему война, а если и страшна, то лишь боязнью за неё. И хочется выдумывать для неё слова и названия, не существующие в мире, и хочется думать, что всё это скоро кончится – гул войны и грохот орудий, и жить они будут долго и счастливо, и душа у него сейчас широко распахнута навстречу всему доброму и прекрасному. Эта маленькая повесть почти вся написана с той суровой и вместе с тем щемяще горькой интонацией, которая сразу же придает четкую реалистическую окраску короткой истории фронтовой любви.

Историю светлого чувства младшего лейтенанта Воронова и деревенской девушки Маринки, любви, вспыхнувшей как бы случайно в прифронтовой деревне тяжелейшего сорок первого года, трудно пересказать, как всегда трудно передать историю чужой любви, тем более «фронтовой», тем более скоротечной. Маленькую повесть Воробьёва следует прочитать, чтобы почувствовать её свежесть.

Рассказ двадцатилетнего лейтенанта – повесть написана от первого лица – откровенен и юношески чист. В нём – непроходящая боль утраты, живая «память сердца» о мимолетном счастье, которое было, могло быть, но которое оборвалось зимой сорок первого года в боях под Москвой.

Как нельзя представить себе землю без запаха травы, без дождевых капель на листьях, без голосов птиц, летних гроз, бликов солнца в утреннем тумане, так нельзя представить жизнь без того, что дает, рождает саму жизнь, без самого высокого и самого земного чувства – любви. И ни катастрофы, ни колючая проволока, ни пулеметные очереди, ни тошнотворный запах пепла над горящими деревнями – ничто не может остановить это чувство, как нельзя остановить саму жизнь.

Повесть К. Воробьёва – это не просто еще одна история фронтовой любви, но вместе с тем маленькая глава в той большой книге, которую сообща пишут российские авторы о нашем времени, о войне. Это еще одна краска, еще один ракурс, еще один взгляд на минувшее, не похожий на взгляд других авторов. У К. Воробьёва – свои герои (особенно трогательна и достоверна Маринка), свой сюжет, свой ритм, своя четкая, сжатая фраза. В повести «Крик» очень подкупает именно эта юная жажда жизни, чистота, цельность восприятия – основные черты поколения, о котором пишет автор.

Воробьёв умело и точно передает ощущения своих героев, внушает читателю веру в их любовь в трагической обстановке военного времени. И в этом сила повести.

Колоритно и свежо задуман образ помкомвзвода. Васюков – солдат с опытом, эдакий фронтовой проныра и доставала. Васюков вызывает любопытство. Писатель хорошо видит его, слышит его голос, великолепно показывает ревность Васюкова – грубоватую ревность солдата к более удачливому лейтенанту. Далее возникает ссора между Вороновым и Васюковым. Казалось бы, ссора по мере сближения Воронова и Марины должна была углубляться. Однако писатель чрезвычайно поспешно примиряет их, а происходит это после того, как Васюков сбил самолет и Воронов вынес ему перед строем благодарность. Что же, могло быть и так – война и разъединяла и быстро мирила людей.

Не только о бесчеловечности войны и личной трагедии Воронова рассказал писатель, но и о тяжком пути прозрения, которое, однако, не озлобило и не помешало выстоять. Выясняя для себя причины военных неудач, Воронов и его друг, сержант Васюков, тоже раненым попавший в плен, решают не думать о них: «Тут, в плену, мы... не должны разговаривать ни про «чужую территорию» ни про наши трудности, ни про майора Калача и про разведку боем, ни про бутылки с бензином и ни про что-нибудь другое, – мало ли о чем тут захочется поговорить! Если мы тут ни о чем таком не будем говорить друг с другом, то наши ответы будут спокойными, а глаза смелыми...»

Вскоре Марина погибает. А еще через день тяжелораненый Воронов попадет в лагерь для военнопленных и очнется возле «поленницы», из которой «и все почему-то вверх, в небо» будут торчать синие скрюченные руки, а припавшие в одну сторону, к колонне, стриженые обледенелые головы будут медно светиться, и ему покажется, что они – звучат...

Понимая, что шансов выжить практически нет, и думая, что его везут на расстрел, Сергей Воронов заботится о том, чтобы достойно умереть, потому что в достойной смерти – достоинство жизни и вызов врагам: «...надо упасть кверху лицом, а не вниз и не на бок, и надо, чтобы шапки откатились в сторону, потому что

тогда будут на виду наши русые с завивом волосы, и руки надо разбросать, а не скрючить, и ноги тоже раскинуть, чтобы носки сапог стояли прямо...»

Манеру, в которой было написано это и последующие произведения автора, критики позднее назовут «сентиментальным натурализмом». Позднее данные повести были дважды экранизированы. В 1983 году вышел фильм «Экзамен на бессмертие», а в 1990 году «Это мы, Господи!..». Первый из них строился на сюжете повестей «Крик» и «Убиты под Москвой», а второй только на повести «Убиты под Москвой», при этом авторы последнего использовали для фильма название другой повести Воробьёва.

Нам свои боевые
Не носить ордена.
Вам – все это, живые.
Нам – отрада одна:
Что недаром боролись
Мы за родину-мать.
Пусть не слышен наш голос, –
Вы должны его знать,
Вы должны были, братья,
Устоять, как стена,
Ибо мертвых проклятье –
Эта кара страшна.

А. Твардовский

Это эпиграф к повести К. Воробьёва «Убиты под Москвой». Константин Воробьёв оказался на фронте в октябре 1941 года в разгар немецкого наступления на столицу, когда в котлах переваривались целые дивизии Красной армии, части гибли практически в полном составе, многие попадали в плен, который в СССР приравнивался к измене Родине.

Позднее эту обстановку до мельчайших деталей писатель воспроизведет в своем самом известном произведении – повести «Убиты под Москвой». В ней писатель не утаил одного из главных предметов той эпохи – безотчетного страха не перед врагом, а перед другом. Вот одна деталь из повести: никто из роты кремлевских курсантов не решался взять листовку, что были сброшены с немецкого самолета. Глядя на это, капитан Рюмин задавался вопросом: «кого они боятся, меня или друг друга?». Этот же мотив проходит и во время встречи капитана Рюмина с командиром отряда НКВД, образ которого отражается в одной единственной характеристике – «щупающей душу усмешке». Кажется, что ни в одном из советских произведений о войне не было показано её оборотной стороны так, как это было свойственно всем произведениям Воробьёва.

Герои повести, кремлевские курсанты, на наших глазах становятся настоящими мужчинами, а молодой лейтенант подбивает танк и уходит с трофейным автоматом в глубь леса, чтобы набрести на рассеявшихся в окружении своих. Он остается жить для того, чтобы воевать. А еще чтобы помнить о том, с чем ему пришлось столкнуться на этой страшной войне.

«Он почти физически ощутил, – пишет К. Воробьёв о главном герое Алексее Ястребове, – как растаяла в нём тень страха перед собственной смертью. Теперь она стояла перед ним как дальняя и безразличная родня-нищенка, но рядом с нею и ближе к нему встало его детство...»

После того что пережил Алексей в ночном бою, после смерти капитана Рюмина, который умер у него на руках, после всего, что произошло с его ротой, ему почти всё равно – и он поднимается навстречу танку. Сцена написана К. Воробьёвым с разрывающей душу ясностью и напряжением. Звук как будто выключен, и только в конце тяготящее и нарастающее молчание обрывается криком. Что-то меняется в Алексее Ястребове. Что-то меняется и в Рюмине перед смертью, мальчик-рыцарь, отстраненно дер-

жавшийся с другими курсантами, как бы стерегший в отдалении свою честь, он неожиданно приближается к сверстникам. Близость, которую испытывает Алексей Ястребов по отношению к мертвому товарищу, – это высшее чувство, которое способна пережить по отношению к смерти жизнь, это то, что никакими другими словами и объяснить невозможно.

Танк молча движется на человека, но человек не спеша готовится к встрече с ним. Молчание силы наталкивается на молчание еще большей силы, еще более страшной силы, потому что это сила духа. Рождается новый человек, может быть, уже не столь идеальный, но не беспомощный.

Немецкие танки раздавили роту, которая храбро дралась, но ничего не могла сделать против них со своими бутылками с горючей смесью и самозарядными винтовками. Она задержала эти танки. Но полегла.

Этот последний бой, в котором окопом Алексею служит только что вырытая могила Рюмина, носит характер тяжелого ратного труда, с опорой на весь народный, даже крестьянский опыт. И шагая к своим, перебирая чувства, которые отсеялись в нём за эти пять дней, он, подбивший танк, на самое последнее место поставил то, что еще недавно бы, бесспорно, было первым – «ребяческая обида на то, что никто не видел, как он сжег танк».

Домовитость и бережливость, с какой Алексей Ястребов складывает всё в углу могилы, а не швыряет, не бросает как попало, это домовитость крестьянина. Прошло время, и Алексей забыл, откуда он. Он стал одним из тех, на ком сияют одинаковые кубари в петлицах и поскрипывают одинаковые ремни. Но в минуту, когда ему пришлось встать навстречу танку, вспомнил, откуда он родом. Он вспомнил и деда Матвея, заменившего ему отца, и свою Курщину, слова детства. Память – поддержка и опора героев К. Воробьёва.

В середине 1960-х годов Константин Воробьёв писал повести, в которых стремился донести до читателя «правду о гибели русской

деревни». Это его стремление воплотилось в повестях «Почем в Ракитном радости» (1964) и «Друг мой Момич» (1965). Из-за того что вторая повесть не соответствовала официальным идеологическим установкам, при жизни автора она полностью не публиковалась, купированный вариант был опубликован в 1967 году под названием «Тетка Егориха».

Герой повести Воробьёва «Почем в Ракитном радости» всю жизнь винил себя за то, что написанная им, еще будучи мальчиком-селькором, газетная заметка стала причиной ареста его родного дяди. Много лет спустя дядя и его племянник встретились в сталинском лагере, в который бывший сельский корреспондент попал после фашистского плена. В этом произведении Воробьёв старался провести важную для него мысль о том, что трагедии русской деревни, войны и плена имели под собой общие корни: разрушение социальных и нравственных основ жизни при Сталине.

Герои и «деревенских», и «лейтенантских» повестей и рассказов Константина Воробьёва после выпавших на их долю страшных испытаний оказывались способными на духовный взлет.

Воробьёв продолжал писать в основном повести, но вскоре двери, успевшие пропустить «Убитых под Москвой», захлопнулись. Сняли Хрущева, и то, что продолжал писать Воробьёв, был не способен предать огласке даже А. Т. Твардовский. От темы войны он переходит к коллективизации, и здесь его суд над властью становится еще решительней, еще неотвратимей. Произведения, выходящие из-под пера Константина Дмитриевича, остросоциальные, причем одна другой исповедальнее и совершеннее в художественном отношении.

Пожалуй, лучшее из них – повесть «Друг мой Момич». Сейчас ею восхищаются многие и многие рецензенты. Тогда же она, рукописная, не менее дружно и безоговорочно отвергалась. Воробьёва обвиняли в претензии на новое слово об истории коллективизации. Даже Твардовский, тогдашний главный редактор

журнала «Новый мир», забраковал повесть. Упреждая цензуру, он говорил Воробьёву, что тот сгустил краски. Более того, он, Твардовский, лично не приемлет огульного осуждения коллективизации. Сын ссыльных смоленских крестьян, он всё еще оставался советским писателем.

Это был страшный удар для Воробьёва. В Твардовского он верил, как в Бога, и расхождение с ним во взглядах переживал тяжко. Надо ли пояснять, почему повесть в полном виде увидела свет только о 1988 году! И не она ли, запечатлевшая кровоточащий срез сельского довоенного бытия, побуждала автора с особенной остротой и болью переживать ненапечатанную книгу.

К Воробьёву приклеился ярлык «представитель лейтенантской прозы». Но Воробьёв не укладывается в прокрустово ложе привычных штампов. Например, повесть «Вот пришел великан…» – лучшая вещь К. Воробьёва о любви замужней женщины-редактора и бедного и голодного писателя-романтика. Эта любовь рушится под гнетом обывательского ханжества, которому не в силах противостоять главная героиня. За это произведение Константина Дмитриевича прозвали «русским Хемингуэем». «Я хорошо понимаю, что читателю не очень нужно всё это знать, но мне-то очень нужно рассказать ему об этом». Этим высказыванием Жан-Жака Руссо автор предваряет свою повесть.

Сквозь пошлость ситуации адюльтера и бытовые, приземленные детали, которые отходят на второй план, начинает высвечиваться иная реальность. Мы смотрим на героев повести как на детей, ощущаем их сиротство, одиночество, неприкаянность на земле, их желание любить и быть хоть кем-то любимым. Мы смотрим на них взглядом Великана-автора. Взглядом, лишенным какого-либо осуждения и исполненным понимания.

Еще одна повесть, изданная посмертно, – «...И всему роду твоему». Это по поводу неё тревожился автор в дневниковой записи незадолго до своей преждевременной кончины. Свою последнюю повесть Воробьёв писал, как никогда, трудно. Болезнь

подтачивала его силы и то и дело сваливала в постель. Но он недаром прошел огонь 41-го года. Недаром дважды совершал побег из фашистских концлагерей. Он знал, что ему осталось немного, и продолжал перечить смерти. Он ушел, не успев поставить точку в конце повествования. Тем не менее там всё прояснено, всё возбуждает живой читательский интерес, рождает отклик.

Главный герой повести – безнадежно больной и уставший бывший командир партизанского отряда Родион Сыромуков – являет собой психологический тип людей, представленных в большинстве произведений прозаика. Это люди чести и долга, глубинной совестливости и товарищеской отзывчивости. Подобно автору, они не мыслят существования без торжества правды, не на жизнь, а на смерть сражаются за неё, и в этой борьбе не прощают себе слабостей. Сущность любого из них – в совершенно четких ответственных поступках, как правило, несовместимых не только с риторикой, но и вообще с громким самовыражением.

Таковы – командир роты капитал Рюмин («Убиты под Москвой»), принявший на себя чужую вину и покончивший с собой последним патроном; тетка Егориха («Друг мой Момич»), исполненная неколебимой веры и застреленная фанатиком Голубом на церковной паперти. Это – выживший назло всем смертям лейтенант Костров («Это мы, Господи!..»), наконец, Сыромуков («...И всему роду твоему»), озабоченный в предчувствии скорой кончины судьбой своего сына-подростка, жаждущий развития в нём возвышающих человеческих качеств. В этом – жизненное кредо и самого автора, напутствие и последнее пожелание своим читателях, особенно молодым.

Нельзя не обратиться еще к одной повести Константина Дмитриевича – «Почем в Ракитном радости». Она опять же о возвышении нравственных начал в человеке, в частности, об утверждении подлинно значимого и ценностного в литературно-творческой работе.

Писатель трудной судьбы после долгого отсутствия наведывается в родное село, где когда-то написал свою первую заметку в районную многотиражку и где к его профессии относятся с настороженностью. Сельчане не выносят «марающих» бумагу людей и не понимают, о чем они пишут. Главный герой утверждает, что он «хороший писатель», отзываясь как бы в подтверждение сызмальства усвоенного им первейшего житейского правила – взыскивать по большому счету в первую очередь с самого себя. И слова: «Я – хороший писатель» произносятся им в самооправдание, потому что с детства близкие ему люди не держали в руках его книг.

Писатель не вдается в объяснение причин их неведения, но выражает надежду на то, что его произведения когда-нибудь проникнут и в самую глубинку. Можно сказать, такое время пришло.

Большими тиражами и без купюр печатаются теперь произведения К. Д. Воробьёва. До массового читателя дошли в полном виде все лучшие его повести и рассказы.

Проза Константина Воробьёва точна и жестка в подробностях. Но она столь же жестка и в целом. Она ничего не хочет утаить, упустить, урезать ради общего монтажа. Для неё монтаж – отступничество, предательство. Память памяти рознь. Иная память, как режиссер, отбирает из прошлого лишь нужное, лишь выигрышное. Лишь то из прошлого, что и в настоящем может составить капитал. Это память-конформистка. Память героев К. Воробьёва лучше на костер пойдет, но не даст совершить над собой такого насилия. Позора сломленности, позора отступничества, позора замалчивания правды они не приемлют. Вот отчего интонация его прозы часто срывается на крик.

«Никто не забыт и ничто не забыто» – эти слова мы часто читаем на транспарантах. Их повсеместно относят к павшим на войне. Константин Воробьёв склонен распространить этот святой закон на тех, кто пал и не на войне. Кто погиб, как тетка Егориха, кто умер от голода в 30-е годы, как отец героя рассказа «Чертов палец», кто, как дядя Мирон и Момич, надолго исчез из родного дома.

Все сюжеты у К. Воробьёва сматываются в один клубок. Человек возвращается домой. Человек в памяти возвращается к пережитому. На очной ставке с памятью он пытает себя, пытает и казнит без свидетелей, а уж со свидетелями встречается потом. Свидетели эти – его земляки, родная хата, могила матери, женщина, которую он когда-то любил.

Прошлого не вернешь, но можно пронести его в сердце. Повести и рассказы К. Воробьёва – это повествования о возвращении блудного сына в родные места и по возвращении блуждающей в потемках памяти, которая ищет свои истоки, хочет воссоединиться с ними, прилепиться к ним. Память наводит мосты, соединяет разорванное, латает провалы сознания, разрывы во времени. Она, память, и всей жизни, прожитой всё-таки не зря, придает смысл.

В очных ставках с памятью, которые устраивает своим героям К. Воробьёв, почти нет места женщине. Женщины являются в его прозе не часто, со смущением на лице и ненадолго. Женский смягчающий вздох покрывается мужскими рыданиями, мужским клекотом, когда мужчина, не умея плакать, всё же плачет. В прозе К. Воробьёва почти нет чувственной любви. Любовь целомудренно-аскетична, стыдится себя, она как бы не к месту в его произведениях. До самых бровей повязана платком тетка Егориха, повязана в своих чувствах у Воробьёва и женщина. Женщина у Воробьёва если и любит, то больше страдает, сострадает, чем наслаждается любовью. То же и мужчина. Это есть в «Крике», «Чертовом пальце», «Синели», в повести «Почем в Ракитном радости».

К. Воробьёв пытался перейти к другим темам, писать что-то общее, похожее, эпическое спокойное (таково начало неоконченной повести «...И всему роду твоему»), но получалось у него только тогда, когда выходил он на крик, на давнюю свою боль, на страдания.

Писатель настоящий всегда и во всём. Как стыдился он «браво-победно-выхолощенных» первых своих вещей, написанных в «лета тщеславно-легкомысленной юности». В кавычках

его слова, а ведь среди этих «выхолощенных» вещей – повесть «Сказание о моем ровеснике», рассказы «Подснежник», «Ермак», «У кого поселяются аисты». Воробьёв часто был недоволен своей работой, и ему не нравились его произведения, некоторые он даже собирался бросить, но характер не позволял не доводить до конца начатое.

Память о К. Д. Воробьёве

Современные литературные критики закрепили за Воробьёвым место в обойме военных писателей. Это почетно и справедливо, так как понятие «военный писатель» включает в себя нечто большее, чем человек, побывавший на войне, а затем писавший о ней. Здесь прежде всего имеется в виду сам характер писателя – боевой, военный.

Воробьёв воевал до последней написанной им строки. Военная косточка чувствуется даже в самых мирных его произведениях. Он убежден, что лучшее в людях проявлялось именно в пору обрушившейся на них величайшей трагедии. И те, вместе с кем воевал, с кем вместе победил, в трудные минуты всегда приходят на помощь героям его «мирных» произведений, становятся для них примером чести и чистоты.

Последние годы жизни Воробьёва были отравлены грозно подступающей болезнью. Щедрое здоровье, подаренное курской землей, не подводившее даже тогда, когда во всём измученном побоями, голодом и холодом теле, казалось, и клеточки живой не осталось, стало давать сбои. После тяжелой и продолжительной болезни 2 мая 1975 года писатель скончался в Вильнюсе.

Повесть «…И всему роду твоему» осталась незавершенной, вышла после смерти. После смерти же стали выходить весомые тома Воробьёва. В Литве у писателя не было адекватной литературной среды, а в столице его при жизни не очень-то привечали, так как реальное обличье войны, увиденное в упор, вызывало полное неприятие повестей Воробьёва официальной критикой. Критики воспринимали прозу Воробьёва как искажение правды о войне, его постоянно упрекали «за настроение безысходности, бессмысленности жертв». В конце концов, результатом таких критических нападок стало молчание о творчестве Воробьёва.

Писатель, с его «лишним» героем, лагерным задохликом, жизнь которому на два шага реально продлевает один укус хлеба,

подвергался разносной критике в органах печати. Друзьям он писал о пессимизме и отчаянии, которые посещали его после разгромной критики. А дружен он был с курянином Е. Носовым, красноярцем В. Астафьевым, москвичом Ю. Бондаревым и, несомненно, чувствовал свою близость и с «деревенской» прозой и с писателями «окопной правды».

Куряне, земляки Воробьёва, чтят его память. Константин Дмитриевич был перезахоронен в Курске в 1995 году, и тогда же ему была присуждена премия им. Сергия Радонежского.

3 октября 2009 года в сквере у Курской филармонии появился памятник писателю работы скульптора В. Бартенева. Две узкие гранитные плиты соединяет бронзовое дерево; это «седой тополь» с объеденной узниками корой из одноименного рассказа прозаика о Саласпилсском лагере военнопленных «Долина смерти». Там дерево не погибло, каждую весну сквозь изувеченный ствол пробиваются новые побеги. Скульптор поясняет: «Эту жизнеутверждающую силу, которую нес Воробьёв, я и хотел показать. Два аиста на срезе тополя – еще один символ из его рассказов. Это мир, согласие и благополучие».

17 августа 2013 года на курском городском Мемориале павших в годы Великой Отечественной войны было установлено новое надгробие на могиле Воробьёва. Здесь же похоронена супруга писателя, Вера Викторовна. На открытие надгробия приезжала дочь Воробьёва, Наталья. Имя писателя носит средняя школа № 35 города Курска. В честь него названа одна из улиц Северо-Западного микрорайона города.

А 16 июля 2014 года в селе Нижний Реутец после реставрации открылся дом-музей К. Д. Воробьёва. Он представляет собой три небольшие комнаты, в которых воссоздан быт крестьянской семьи начала XX века. Стол, за которым юный писатель сочинял свои первые литературные произведения, старинные иконы, принадлежавшие семье Воробьёвых, печь и скамья. И внешний вид дома, и его обстановка воссозданы по воспоминаниям одно-

сельчан. Дом, в котором Константин Воробьёв жил до 16 лет, стоит на пригорке, откуда открывается чудесный вид на курские просторы, подарившие нам этого замечательного русского писателя и питавшие его душу.

Высказывания К. Д. Воробьёва о жизни, о предназначении литератора, его ответственности перед временем и народом

«…И писать книги, и рисовать картины надо мягкими, теплыми тонами. И чтобы сердце обязательно знало и любило то, о чем хочешь сказать. Только тогда возможно помочь читателю и зрителю восхититься самим собой как человеком».

«Честно правду пишу. Критики, надеюсь, подтвердят это. Вот только бы напечатать».

«…Присягал и присягаю правде жизни не изменять. Нельзя, не могу иначе».

«Если не вдохновит тебя тишина, закатная заря, одиночество в лунной ночи или пронизанная солнцем листва, – иди и удавись: выше и торжественнее этого ничего на свете нету».

«...Я не тот автор, которого привечают. На мне лежит какое-то проклятье, а за что – никто не знает».

«...Мне что-то сейчас не работается: наверно, втуне ожидаю хулу и брань разных бровманов... Сволочи, вышибают недозволенными приемами перо из рук, никак не могу привыкнуть к оскорблениям, хоть на мне уже и места нету живого!» (Из писем В. Астафьеву).

«Писать четверть-правду или полуправду безнравственно. И подтверждать это нам, преградам вопреки, положено на своих рабочих местах, и не где-то на стороне, так сказать, в демонстративной конфронтации. Словом, мужество требуется, мужество».

«Но ведь глупое, самодовольное, чванливое начальство есть везде. Между прочим, я заметил, что начальник в погонах сносится значительно легче, нежели кретин в штатском. Эти вообще похожи на свиней, завернутых в коверкот».

«Я и в самом деле пишу роман. Сюжет его – просто жизнь, просто любовь и преданность русского человека Земле своей, его доблесть, терпение и вера».

«Вы, конечно, знаете, что все начинающие писатели очень похожи на влюбленных – немножко эгоисты и чрезвычайно чувствительны к объекту любви своей».

«Я понимаю, что всякие жизнерадостно увлеченные пройдохи с гибкими спинами всегда и всюду и каждый по-своему урывали и урывают у простодушного общества свой гоголь-моголь, но нельзя же отдавать их спекулятивной предприимчивости литературу, живопись!..»

Писатели и критики о творчестве К. Д. Воробьёва

…Возьмите повесть К. Воробьёва «Убиты под Москвой». Что это такое?! Мрачный реестр страданий, ужасов и смертельно изуродованные тела, оторванные руки, искалеченные жизни… Вы здесь не найдете ни товарищества по крови, ни фронтового братства, ни памяти о близких, оставшихся в тылу, ни мыслей о земле, которая тебя вынянчила…

Григорий Бровман

…вы сказали несколько новых слов о войне. Повесть мы решили печатать в одном из ближайших номеров.

А. Твардовский
(о повести «Убиты под Москвой»)

К. Воробьёв талантлив. Я говорю об этом не потому, что хочу смягчить впечатление от всегда неприятных упреков. Это серьезно обещающий писатель, уже заставивший следить за собой после первой книги рассказов. И с К. Воробьёвым надо говорить как с серьезным писателем – без обидной снисходительности к недостаткам.

Особенность К. Воробьёва состоит в том, что он нигде не опускается на корточки перед детьми, нигде крепкий, «взрослый» его голос не срывается на сюсюкающий медовый тенор, нигде чуть заметная улыбка его не переходит в наигранно-фальшивую веселость, и это сильно отличает его как рассказчика. Он пишет о детях так, как нужно писать о взрослых, открывая сложный и серьезный духовный мир, – дети в его рассказах действуют, живут наравне со взрослыми.

Юрий Бондарев

Я совершенно убежден, что Константин Воробьёв куда более сильный писатель, чем Александр Солженицын. Но кто знает, кто такой Воробьёв?

Захар Прилепин

…есть писатели, напоминающие мне старательного и умного пахаря, который встает до зари и без шума, гама, показной активности… делает свою трудную работу…

Но… и поныне случается, что судьба такого вот скромного труженика… в литературе проходит незамеченной…

…укорный пример… – судьба писателя Константина Воробьёва… Упомянешь его на встрече, назовешь в числе выдающихся… недоумевают читатели, пожимают плечами или изумленно спросят: «Да уж не тот ли это Воробьёв, что написал “Убиты под Москвой”, “Крик”…» «Тот, тот!» – скажешь, и непременно последует: «Это ж замечательные вещи!»

…Повесть «Убиты под Москвой» не прочтешь просто так, на сон грядущий, потому, что от неё, как от самой войны, болит сердце, сжимаются кулаки и хочется единственного: чтобы никогда-никогда не повторилось то, что произошло с кремлевскими курсантами, погибшими под Москвой.

…А что касаемо натурализма, то я могу, как бывший окопник, сказать, что не знаю ничего страшнее и натуралистичнее войны, где люди убивают людей. И коли К. Воробьёв, все испытавший на войне, не умеет рядить её в кому-то нравящиеся романтические одежды, значит, иначе не может. Он пишет, страдая за людей, без расчета кому-то понравиться и угодить. В том его сила!

Константин Воробьёв любил работать в горячем цехе, со словом, которое только что из пламени пылающего воображения. Оно еще дышит жаром, стреляет колкими искрами, обжигает самого мастера, и тот, благоговея над ним, испепеляющим, непо-

корным и прекрасным, размашисто, пока еще не остыло, гранит его на звонкой наковальне.

Виктор Астафьев

Он был из тех писателей, которые знают цену литературному языку. В повестях и рассказах Воробьёва, даже тех, что написаны в пятидесятые годы, вы не найдете пустых страниц, проходных абзацев, стертых или небрежно друг к другу пригнанных слов. Все на месте, все выписано. У него был абсолютный литературный слух.

Это вот человек – человек, победивший фашизм и тем самым утвердивший себя в праве думать, говорить и поступать так, как велит ему совесть… – всегда был единственно желаемым для Воробьёва спутником в жизни, пускался ли он в очередную дорогу с пером в руке или же просто ходил пот земле: гулял, глядел, как живут люди, мечтал, любил, ненавидел.

Юрий Томашевский

Он был величаво щедр во всем, в деньгах, в участии, в дележе идеями. И замыслов своих он никогда не таил. Еще в первые дни нашего знакомства он рассказал мне, что работает над повестью со странноватым для нашего правоверно-антирелигиозного слуха названием. «Это мы, Господи!..» По-моему, эта формула пришла ему в голову раньше, чем её выбрал для своего труда Рокуэлл Кент.

Даже в полемическом запале, он очень тщательно выбирал выражения, чтобы, упаси боже, не обидеть собеседника случайным необдуманным словом. Может, поэтому его речь казалась слегка замедленной. Всё, что он говорил, звучало веско, доказательно и, может быть, иногда слишком солидно. При всём этом, несмотря на то что авторитет его в нашем кругу в вопросах житейских и

литературных был непререкаем, он никогда не подавлял им собеседника и не стремился подавить его даже в самом лютом споре.

Самоконтроль его был настолько жестким, что порой казался неестественным.

Леонид Малкин

Впервые я прочитал его… когда он был уже зрелым мастером. Это была повесть «Убиты под Москвой». В общем потоке тогдашней литературы о войне она остановила меня, как останавливает в картинной галерее, повергает в волнующее смятение, скажем, суриковское полотно «Утро стрелецкой казни». Повесть эта, будучи поистине оптимистической трагедией, поразила меня, как и все его последующие произведения, остротой и дерзкой смелостью письма, предельно обнаженным драматизмом, от которого буквально холодело сердце, каким-то особенно крутым замесом сюжета, человеческих судеб и характеров, своеобразием самой техники раскованного энергичного мазка. Уже тогда я понял, что имею дело с писателем, обладающим недюжинной натурой и непростой личной судьбой.

Евгений Носов

Проза Воробьёва саднит и жжет, как открыта рана, и жжение её не утихает с годами, хотя ужасы прошлого отступают в вечность.

Игорь Золотусский

Больше скажу: сегодня военная проза ещё менее ко двору, чем в семидесятые, потому что в семидесятых антивоенная пропаганда всё-таки преобладала, а сегодня она считается чуть не капитулянтством. В качестве стимула для новой войны проза Воробьёва годится меньше всего, даром что мало в российской литературе таких мужественных, отважных и привлекательных

авторов. Но у него как не складывалось с официозом, так и не складывается.

...Есть в этой истории нечто от Хемингуэя, на которого Воробьёв временами бывал похож в «Великане», – немногословие, подтекст, только у Хемингуэя он был для модерности, а не для того, чтобы обмануть цензуру… Честное слово, он в свои 55 писал лучше, чем Хем в том же возрасте: плотней, смешней, точней, и самолюбования у него было меньше. Потому что у Воробьёва к мыслям о старости и смерти примешивалось главное – ощущение, что всё было напрасно; что он как был изначально не нужен Родине, так и остался. Эта мысль и привлекла Солженицына, наградившего Воробьёва за повествование о «небрежённых ветеранах»: формулировка, с которой присудили ту единственную посмертную премию. «…И всему роду твоему» – повесть, написанная едва наполовину, а то и на треть; повесть о том, как война ничему не научила, превратилась в бетонный монумент, а не в главный урок. И об этом Воробьёв сказал – как всегда, не в лоб, но абсолютно точно…

И время для Воробьёва до сих пор не пришло; или, вернее, пришло для немногих. Но ему, кажется мне, хватает.

Дмитрий Быков

Библиография
Произведения К. Д. Воробьёва

1. Воробьёв, К. Д. Собр. соч. в 3 т. Т. 1. Повести / К. Д. Воробьёв. – Москва: Современник, 1991. – 479 с.

2. Воробьёв, К. Д. Собр. соч. в 3 т. Т. 2. Повести, рассказы, из архива писателя / К. Д. Воробьёв. – Москва: Современник, 1991. – 479 с.

3. Вот пришел великан: повести / К. Д. Воробьёв. – Москва: Известия, 1987. – 608 с.

4. Друг мой, Момич: повести / К. Д. Воробьёв. – Москва: Современник, 1988. – 634 с.

5. Заметки сердца: из архива писателя / К. Д. Воробьёв. – Москва: Современник, 1989. – 238 с.

6. …И всему роду твоему: рассказы и повесть / К. Д. Воробьёв. – Вильнюс: Vaga, 1978. – 335 с.

7. Крик; Вот пришел великан: повести / К. Д. Воробьёв. – Москва: Сов. писатель, 1986. – 476 с.

8. Повести / К. Д. Воробьёв. – Москва: Сов. Россия, 1985. – 442 с.

9. Седой тополь: Дорога в отчий дом; В последний миг: рассказы / К. Д. Воробьёв. – Москва: Сов. Россия, 1965. – 60 с.

10. Сказание о моем ровеснике: повести и рассказы / К. Д. Воробьёв. – Москва: Сов. Россия, 1973. – 367 с.

11. Убиты под Москвой: повести и рассказы / К. Д. Воробьёв. – Москва: Современник, 2000. – 287 с.

12. Это мы, Господи!..; Вот пришел великан. – Москва: Кн. палата, 1988. – 320 с.

***

13. Гуси-лебеди / К. Д. Воробьёв // Лит. в шк. – 1995. – № 2. – С. 12–16.

14. Первое письмо / К. Д. Воробьёв // Работница. – 1999. – № 11/12. – С. 66–68.

15. Уха без соли: (в сокращении) / К. Д. Воробьёв // Лит. в шк. – 2008. – № 4. – (Прил. «Уроки лит.»; С. 4–5).

Литература о жизни и творчестве К. Д. Воробьёва

16. Абелюк, Е. Правда Константина Воробьёва: (материалы к уроку) / Е. Абелюк // Литература. – 2008. – 1–14 мая (№ 9). – С. 59–61. – (Прил. к газ. «Первое сентября»).

17. Артемова, О. В. «Солдат войны прозы» Константин Воробьёв: лит.-музык. композиция / О. В. Артемова // Лит. в шк. – 2010. – № 4. – С. 46–47.

18. Ачкасова, Г. Причастный к юным судьбам / Г. Ачкасова // Лит. в шк. – 1995. – № 3. – С. 68.

19. Бобунова, М. А. «Матрешно одета»: авторские наречия в прозе Б. Н. Носова и К. Д. Воробьёва / М. А. Бобунова // Рус. речь. – 2015. – № 1. – С. 33–38.

20. Бондарев, Ю. Повесть о любви / Ю. Бондарев // Новый мир. – 1962. – № 10. – С. 236–238.

21. Василенко, Е. «Удел всех»: о повести К. Воробьёва «Это мы, Господи!..» / Е. Василенко // Литература. – 2007. – 1–15 мая (№ 9). – С. 22–25. – (Прил. к газ. «Первое сентября»).

22. Воробьёв, А. Н. Это сладкое слово…: (фрагм. из кн.) / Н. Воробьёва // Иностр. лит. – 2007. – № 1. – С. 78–89.

23. Воробьёв, К. Скривившаяся линия / К. Воробьёв; публ. С. Воробьёва // Труд-7. – 2004. – 4 нояб. – С. 10–11.

24. Грязнов, Е. Константин Воробьёв – лейтенант сорок первого года: юбил. заметки публициста о жизни и творчестве писателя-фронтовика / Е. Грязнов // Милиция. – 2009. – № 9. – С. 50–54.

25. Золотусский, И. П. Не убит под Москвой / И. П. Золотусский // Золотусский, И. П. Прощай, XX век! Русские писатели. Сокровенные встречи / И. П. Золотусский. – Москва, 2008. – С. 110–116.

26. Золотусский, И. П. Там, на войне: о воен. прозе В. Быкова и К. Воробьёва / И. П. Золотусский // Лит. в шк. – 1995. – № 2. – С. 2–8.

27. Иванченко, Н. И. «Невероятная явь войны» / Н. И. Иванченко // Лит. в шк. – 1995. – № 3. – С. 72–75.

28. Каргалова, М. А. Рассказ К. Д. Воробьёва «Уха без соли» / М. А. Каргалова // Лит. в шк. – 2009. – № 5. – С. 39–40.

29. Козлова, О. И. Воробьёв К. Д. / О. И. Козлова // Русские писатели XX века: библиогр. слов.: в 3 т. – Москва, 2005. – Т. 1. – С. 425–427.

30. Кондратьева, Л. А. «Вот она, наша славянская душа!»: материалы к уроку по рассказу К. Воробьёва «Уха без соли» / Л. А. Кондратьева // Лит. в шк. – 2008. – № 4. – (Прил. «Уроки лит.»; С. 9–12).

31. Красников, Г. [О К. Воробьёве] / Г. Красников // Работница. – 1999. – № 11/12.– С. 66.

32. Красников, Г. Я не требовал награды за свои дела, потому что был настоящим русским / Г. Красников // Роман-газета XXI в. – 1999. – № 9. – С. 102–109.

33. Лавлинский, Л. Биография подвига: о творчестве К. Д. Воробьёва / Л. Лавлинский // Лавлинский, Л. Мета времени, мера вечности / Л. Лавлинский. – Москва, 1986. – С. 130–141.

34. Лейдерман, Н. Л. Фронтовая лирическая повесть / Н. Л. Лейдерман, М. Н. Липовецкий // Лейдерман, Н. Л. Современная русская литература: 1950–1990 гг.: 2 т. / Н. Л. Лейдерман, М. Н. Липовецкий. – Москва, 2008. – Т. 1: 1953–1968. – С. 182–180.

35. Малкин, Л. О Константине Воробьёве / Л. Малкин // Лит. Россия. – 2000. – 3 марта (№ 9). – С. 4.

36. Малкин, Л. Ничего, кроме правды: воспоминания о встрече с писателем / Л. Малкин // Наш современник. – 1999. – № 3. – С. 275–281.

37. Минаков, С. Незнаменитый прозаик Константин Воробьёв / С. Минаков // Нева. – 2015. – № 6. – С. 195–200.

38. Мушинская, Т. «Болею за людей»: повесть К. Воробьёва «Убиты под Москвой» / Т. Мушинская // Лит. в шк. – 1999. – № 3. – С. 75–77.

39. Огрызко, В. Под ударами судьбы / В. Огрызко // Лит. Россия. – 2006. – 29 мая (№ 20). – С. 1, 3.

40. Павленко, В. Мужество говорить правду / В. Павленко // Труд-7. – 2004. – 4 нояб. – С. 10–11.

41. Романова, Г. И. К. Воробьёв / Г. И. Романова // Русские писатели XX века: слов.-справ. – Москва, 2004. – С. 72–74.

42. Семакова, Л. В. Битва под Москвой в истории и «лейтенантской» прозе: жестокая правда войны в повести К. Воробьёва «Убиты под Москвой» / Л. В. Семакова // Лит. в шк. – 2008. – № 4. – (Прил. «Уроки лит.»; С. 6–9).

43. Томашевский, Ю. Лейтенант сорок первого года / Ю. Томашевский // Новое в школьных программах. Современная русская проза. – Москва, 1999. – С. 33–41.

44. Трунин, А. В. Редкое слово: рассказ К. Воробьёва «Первое письмо» / А. В. Трунин // Лит. в шк. – 2010. – № 4. – С. 42–43.

45. Федякин, С. До жути одинокий: [к 90-летию Константина Воробьёва] / С. Федякин // Независимая газ. – 1999. – 24 сент. – С. 7.

46. Чалмаев, В. Повести К. Воробьёва «Это мы, Господи!..», «Убиты под Москвой» и «Крик» / В. Чалмаев // Чалмаев, В. На войне остаться человеком / В. Чалмаев. – Москва, 2000. – С. 60–68.

47. Чеботаев, М. Крест и Голгофа Константина Воробьёва / М. Чеботаев // Воин России. – 2006. – № 11. – С. 66–79; № 12. – С. 56–69.

48. Чеботаев, М. Страдая за людей: штрихи к портрету писателя К. Д. Воробьёва / М. Чеботаев // Сибир. огни. – 1991. – № 7. – С. 280–297.

Открывая книжные страницы...

Солдат войны и прозы
Методико-библиографический материал
к 100-летию К. Д. Воробьёва

Составитель
Ольга Васильевна Ефремова

Оригинал-макет подготовлен в редакционно-издательском отделе
Национальной библиотеки им. А. С. Пушкина РМ

Компьютерная верстка и техническая редакция
М. А. Кузьминой

Формат 60 х 84 1/16. Печ. л. 2,5. Тираж 40 экз. Заказ № 14
ГБУК «Национальная библиотека им. А. С. Пушкина Республики Мордовия»
430005, г. Саранск, ул. Б. Хмельницкого, д. 26, тел. 8(8342)48-19-55
http: // www.library.saransk.ru
e-mail: library@moris.ru.